

Вадим Дементьев

**МАСТЕР, ПРОФЕССИОНАЛ, СПЕЦИАЛИСТ
В ПРОЗЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА**

Проблема творчества, творца была одной из ключевых в прозе Михаила Булгакова¹. Писатель воспевал творческий поиск как основу деятельности ученых, представителей одной из собственных специальностей — врачей (Филипп Филиппович, Персигов). Еще больше это касалось литературной деятельности — главного жизненного поприща Булгакова. Недаром *мастер*-писатель оказался в названии главного романа его жизни: “*Мастер* (в тексте это слово пишется с маленькой буквы) — это безымянное имя, имя-обобщение, означающее «творец, в высочайшей степени профессионал своего дела». *Мастер* — самое первое слово романа, им открывается произведение в целом, и открывается оно темой творчества”².

Необходимо подчеркнуть, что *мастер* оказался удивительно на месте: едва ли в названии романа могли быть *профессионал, специалист* — слова, близкие по значению, а в некоторых контекстах (например, в приведенном толковании названия романа В.П. Крючковым) синонимы слова *мастер*.

Мы считаем, что великий писатель тонко чувствовал некоторые важные тенденции в семантике русского языка, а также в общественном сознании 20-х — 30-х гг. Следует отметить, что для того времени было несколько необычным решение Булгакова использовать слово *мастер* для обозначения писате-

¹ Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”. — Даугава. 1988. № 10-12; 1989. № 1; Дунаев М.М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”). — Пермь, 1999; Корблев А.А. Время и вечность в “Мастере и Маргарите” М. Булгакова // Художественная традиция в историко-литературном процессе — Л., 1988; Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография / Под ред. Н.А. Грозновой и А.И. Павловского. Кн. 1-3. — Л., 1991-1995; Химич В.В. Творчество Михаила Булгакова. — Екатеринбург, 1996; Яблоков Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. — М., 1997; Яновская Л.М. Записки о Михаиле Булгакове. — Израиль, 1997.

² Крючков В.П. “Еретики” в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков. — Саратов, 2003, С.195.

ля (тем более выносить в название романа в этом значении)³. Как известно, это было полемическим решением по отношению к современникам Булгакова — писателям и поэтам “серебряного века”⁴.

В то же время одной из постоянных мишеней сатиры Булгакова (антисоветской по существу) был непрофессионализм советской власти. Главная оппозиция произведений 20-х гг. — великолепный *профессионал* (носитель культурного наследия предшествующей эпохи и одновременно здравого смысла) ~ *профан* (представитель новой власти): Филипп Филиппович ~ Швондер, Персиков ~ Рокк...

Казалось бы, *мастер* (например, в “Мастере и Маргарите” — а сатирическая составляющая романа очень значительна) и должен быть противопоставлен *непрофессионалу, профану*. В действительности же оппозиция “*профессионал ~ непрофессионал*” почти перестает быть актуальной в “Мастере и Маргарите”: конечно, Иван Бездомный — профан, но профан, стремящийся учиться. Главным же антагонистом Мастера выступает Берлиоз, а также Латунский, Алоизий Могарыч⁵ — всё это, несомненно, по-своему очень грамотные *профессионалы*.

Таким образом, центральным в романе становится противопоставление “*мастер (=творец, талантливый и честный труженик) ~ профессионал / специалист (=образованный прислужник лживой, антитворческой и, следовательно, античеловеческой власти)*”.

Булгаков — как и писатели-*пророки XIX в.* — решает оппозицию “*мастер ~ профессионал*” в нравственном ключе — именно в том значении, в каком она существует в современном русском языковом сознании, как будет показано ниже.

*

Содержательное противопоставление “*мастер ~ профессионал*”, по-видимому, малоактуальное для русского языка XIX и начала XX века, становится весьма актуальным в последние 40-50 лет, т.е. совпадает по времени с настоящим осмыслением наследия Булгакова.

Лексемы *мастер* и *профессионал* часто используются как синонимы, однако в их семантике и сфере употребления есть один существенный отличительный признак: *мастер* (=умелец) — безусловно и безотносительно положительная характеристика (*Фабий становился замечательным живописцем — уже не простым любителем, а мастером. Тург. Песнь торж. любви*); *профессионал* (=специалист) — характеристика хотя тоже скорее положительная (ср.: *Он настоящий профессионал в стране любителей*), но более узкая, функциональная (*На путь профессионала-боксера его толкнул дядя Боб. Билль-Белоцерк. Пощечина*). *Мастер* прежде всего приносит пользу людям, служит им и отчитывается за свои действия перед Богом; *профессионал* вступает с обществом в рациональные взаимовыгодные отношения и если перед

³ В 1934 году И. Сталин в телефонном разговоре с Б. Пастернаком спросил его о Мандельштаме, действительно ли тот является серьезным поэтом, *мастером*: «Но ведь он мастер, а? Мастер?»

⁴ *Лакшин В.Я.* О Доме и Бездомье (Александр Блок и Михаил Булгаков). — Литература в школе. 1993. № 3.

⁵ *Арсланов В.* За что казнил М. Булгаков М.А. Берлиоза? — Вопросы литературы. 1989, № 8; *Подгаец О.А.* Бездомный, Латунский, Рюхин и другие. — Русская речь. 1991. № 3.

кем отчитывается, то только перед работодателем и другими (лучшими) профессионалами. В целом *мастер* является более важным концептом в русской языковой картине мира, это более частотное слово в речи, обнаруживает большую способность к метафоризации и фразеологизации (*мастер на все руки, мастер своего дела, рука мастера, дело мастера боится*), в то время как лексема *профессионал* не способна ни к тому, ни к другому. Как уже говорилось, довольно трудно представить, чтобы роман Булгакова мог быть назван “*Профессионал и Маргарита*”.

По нашему мнению, противопоставление “*мастер ~ профессионал*” реализует оценочную оппозицию, которая занимает важное место в русской коммуникации и языке, хотя редко фиксируется словарями. Данная оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как *п р о т и в о п о с т а в л е н и е* (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) *н а ч а л а* в целом *п е р с о н а л ь н о г о*, *л и ч н о с т н о г о* и *м е ж л и ч н о с т н о г о* — и *н а ч а л а* *с о ц и а л ь н о г о*, *н е л и ч н о с т н о г о* (официального, ритуального).

Левый член оппозиции оценивается через призму русской “межличностной” системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка — и в то же время в русском речевом сознании данное явление *о ц е н и в а е т с я* *о т р и ц а т е л ь н о* за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, **P (personal)**, то наличие **P**, [**P**] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие **P**, [**-P**] оценивается отрицательно⁶.

Пара “*мастер ~ профессионал*” по представленности в ней оценочной оппозиции [**P**] ~ [**-P**] встает в один ряд с другими лексическими парами:

- (1) *мастер ~ профессионал*;
- (2) *мой парень ~ мой бойфренд*;
- (3) *халявщик ~ иждивенец*;
- (4) *очень плохо ~ крайне неудовлетворительно*;
- (5) *убийца ~ киллер*.

Обращает на себя внимание содержательная близость лексем *киллер* и *профессионал*; часто они используются в одних и тех же контекстах, иногда

⁶ Данная оценочная оппозиция рассматривалась нами в: *Дементьев В.В. Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7 — Саратов. 2007; Дементьев В.В. Время и язык: системы оценки // Stylistyka XVI.— Opole, 2007.*

как синонимы. Очевидно, что *киллер* должен быть *профессионалом* (характеристика *профессионал* по отношению к *киллеру* воспринимается последним как комплимент); возможность гиперонимических отношений между лексемами *профессионал* и *киллер* обусловлена принципиальным отсутствием нравственной оценки, характерным для лексемы *профессионал* так же, как для правых членов всех оппозиций типа [P] ~ [-P]. По этой же причине характеристика *мастер* по отношению к *киллеру* (за редкими исключениями в маргинальных группах) возможна только как недобрая ирония.

В русском языке существует множество оппозиций, подобных (1)–(5): совесть ~ нравственность, этика; народ ~ население, электорат; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель, менеджер; интеллигент ~ интеллектуал; банда, шайка ~ группировка; жалеть ~ сочувствовать, соболезновать; справедливый ~ легитимный, правовой; добро ~ благосостояние; муж ~ супруг; любимый ~ сожитель; везение ~ успешность; ... ~ состоявшийся; вожак ~ лидер; друг ~ ...; известный ~ раскрученный; дом ~ быт; любить, жалеть ~ уважать; злиться ~ негодовать; работа ~ деятельность; душевный ~ бездушный...

Лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо *уже*, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; есть отчетливая тенденция к тому, что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый — заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый — нейтральную или положительную, однако данная тенденция не прослеживается до конца.

Парадоксальным образом общая идея ограниченности, присущая члену [-P], становится особенно заметна в паре “*мастер* ~ *профессионал*”, где, казалось бы, как раз раздвинуты границы обычного, обоим дано больше, чем “обыкновенным” людям. В том-то и дело, что *профессионалу* НЕ дано — по крайней мере, *быть профессионалом* вовсе не обязательно предполагает “дар Божий”, без которого *быть мастером*, очевидно, невозможно. Показательна сочетаемость с прилагательным *узкий*: *узкий профессионал* — распространенное выражение (хотя это всё же далеко не то же самое, что “просто” *профессионал*, и нередко выступает как отрицательная характеристика неспособности при оценке чего-либо выйти за рамки своей профессии: *Это никого, кроме узких профессионалов, заинтересовать не может; это не для узких профессионалов*) при невозможности *узкий мастер*. *Мастер*, прежде всего, предан своей работе, бескорыстно любит свое творение, может быть энтузиастом и даже одержимым — все эти качества несущественны для *профессионала* или противопоказаны ему.

В то же время *быть профессионалом* означает определенным образом относиться к социальным институтам: получить *профессию* (для этого необходимо учиться у других *профессионалов*, и об этом выдается свидетельство социальным институтом), достаточно долгое время работать по *профессии*. В таких социумах “производство” *профессионалов* “поставлено на поток”. Несущественно также, если *профессионал* не имеет собственного лица: *профессионал* хорош настолько, насколько он похож на других *профессионалов*. *Мастер* всегда “непохожий”; хотя в обществе вовсе не обязательно должно быть мало

мастеров, каждый из них уникален, а “рождение” *мастера* всегда чудо. *Мастер* может получить, а может и не получить специального образования; скорее учится у кого-то, но, в конце концов, и это не обязательно (*мастер-самоучка, Кулибин, Левша*); наконец, уже совсем не имеет значения, работает ли он и как долго по своей специальности — *мастер* должен быть *от Бога*, и это главное. *Мастер* и *профессионал* — это *дар* и *навыки*, это Моцарт и Сальери, талант и ремесленник.

Кроме того, только *быть профессионалом* означает занимать *выгодное место* в обществе: сочетания *бедный / нищий мастер, мастер-бессребреник* являются не менее обычными, чем *богатый мастер*: *Как только вы ее наденете, так и исчезнете, и бедный мастер* вовеки не узнает, идет она вам или нет (Е. Шварц. Дракон); *Я сам, изволите видеть, вышел из мещан, отец мой был золотых и серебряных дел мастер, и звали его просто Сребреник, но был он, истинное мое вам слово, настоящий бессребреник и жадность эту мужицкую ненавидел всей душой, с детства нам это твердил: поп, купец и мещанин - одна партия, бык, черт и мужик – другая* (М.М. Пришвин. Дневники); *нищий профессионал* звучит, по меньшей мере, странно.

Названный нравственный содержательный компонент делает в принципе невозможным представление *мастера* как высшего *профессионала*.

Возвращаясь к оппозиции *мастер ~ профессионал / специалист* в творчестве Булгакова, следует отметить, что у писателя получают очень четкое отображение и осмысление многие содержательные особенности названной оппозиции (бинарной или тринарной).

Обращает на себя внимание то, что в тексте повестей «Собачье сердце» и «Роковые яйца» вообще нет слов *мастер* и *профессионал*: никто из исследователей-творцов никогда не был назван так.

Несмотря на отсутствие слова, Филипп Филиппович в начале повести — ярко выраженный *профессионал*: живет в барской роскоши — в голодной, задыхающейся от нищеты, истекающей кровью Москве двадцатых годов, а главное — демонстрирует индивидуалистическую жизненную философию западного толка; ср. его пафосные речи о “разделении труда” (*В Большом пусть поют, а я буду оперировать. Вот и хорошо. И никаких разрух...*), отказ помогать детям Германии (причем объясняет свой отказ тоже как *профессионал*: только рационально-рассудочные аргументы, где нет места нерассуждающему состраданию). Профессор готов с хладнокровием *профессионала* (недрогнувшей рукой и без ненужных сожалений) отправить на заклание *милейшего пса* — если нужно “ради дела”; наконец, он оперирует исключительно богатых, преимущественно аморальных людей (не показано ни одного случая, когда он спасает бедного человека или отказывается от вознаграждения), а стало быть, только ради денег.

Однако таким он остается недолго: в критической ситуации Филипп Филиппович говорит и действует совершенно иначе. Он переживает *нравственные* мучения, чувствует свою ответственность перед Истиной и перед Богом. Собственно, трансформация взглядов Филиппа Филипповича, его прозрение и раскаяние, фактически означающие отказ от мировоззрения *профессионала*, составляют главный конфликт повести:

— *Если бы кто-нибудь, — сладострастно продолжал Филипп Филиппович, — разложил меня здесь и выпорол, — я*

бы, клянусь, заплатил бы червонцев пять! “От Севильи до Гренады...” Черт меня возьми... Ведь я пять лет сидел, выковыривал придатки из мозгов... Вы знаете, какую я работу проделал — уму непостижимо. И вот теперь, спрашивается — зачем? Чтобы в один прекрасный день милейшего пса превратить в такую мразь, что волосы дыбом встают.

— Исключительное что-то.

— Совершенно с вами согласен. Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподнимает завесу: на, поглядь Шарикова и ешь его с кашей.

— Филипп Филиппович, а если бы мозг Спинозы?

— Да! — рявкнул Филипп Филиппович. — Да! Если только злосчастная собака не помрет у меня под ножом, а вы видели — какого сорта эта операция. Одним словом, я — Филипп Преображенский, ничего труднее не делал в своей жизни. Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высокостоящего. Но на какого дьявола? — спрашивается. Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого. Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар. Теперь вам понятно, доктор, почему я опорочил ваш вывод в истории Шариковской болезни. Мое открытие, черти б его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош... Да, не спорьте, Иван Арнольдович, я ведь уж понял. Я же никогда не говорю на ветер, вы это отлично знаете. Теоретически это интересно. Ну, ладно! Физиологи будут в восторге. Москва беснуется... Ну, а практически что? Кто теперь перед вами? Преображенский указал пальцем в сторону смотровой, где почивал Шариков:

— Исключительный прохвост.

— Но кто он — Клим, Клим, — крикнул профессор, — Клим Чугунов (Борменталь открыл рот) — вот что-с: две судимости, алкоголизм, “все поделить”», шапка и два червонца пропали (тут Филипп Филиппович вспомнил юбилейную палку и побагровел) — хам и свинья... Ну, эту палку я найду. Одним словом, гипофиз — закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо. Данное! “От Севильи до Гренады...” — Свирепо вращая глазами, кричал Филипп Филиппович, — а не общечеловеческое. Это — в миниатюре — сам мозг. И мне он совершенно не нужен, ну его ко всем свиньям. **Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвался. Неужели вы думаете, что из-за денег произвожу их? Ведь я же все-таки ученый.**

Безусловно, в приведенном монологе Филипп Филиппович рассуждает совершенно “как мастер”.

Очень интересно следующее его высказывание:

А бросать коллегу в случае катастрофы, самому же выскочить на мировом значении, простите... **Я — московский студент, а не Шариков.**

Филипп Филиппович горделиво поднял плечи и сделался похож на французского древнего короля.

Как видим, речь вновь идет о нравственных материях. Кстати, несложный подсчет показывает, что Филипп Филиппович родился примерно в 1865 г. (ровесник Александра Ульянова), и если сохранил до старости представления о нравственности, воспитанные в студенчестве (а это вторая половина 1880-х — время, когда понятие чести, интеллигентности и нравственного долга были настоящими жизненными ориентирами для лучшей части студенчества), это означает, что он живет, мыслит и чувствует далеко не как профессионал.

Почему же Филипп Филиппович никогда не назван мастером?

В целом семантика слова *мастер* обусловлена внутренней формой: *мастер* < *мастерить*, т.е. делать что-то творчески, при этом *руками*; другие значения мотивированы данной внутренней формой: *мастер* — это тот, кто творчески создает, производит что-то. Поэтому писателя можно назвать *мастером*, а профессора — нет.

Думается, есть еще одно противопоставление, не столь явное, но не менее важное: *мастер* — это *творчество*, которому, как это в целом характерно для оппозиций типа [Р] ~ [-Р], противостоит некая рациональная, интеллектуально-логическая деятельность. Идеи “руками” и даже “производит” могут быть опущены, но идея творчества всегда остается; поэтому *мастером* могут быть названы и, например, изощренный манипулятор (*мастер уходить от опасности*), и искусный соблазнитель:

— Э! да не отбил ли он у тебя твою красавицу, эту... как ее? да! он **мастер** на это: тебе трудно тягаться с ним. Повеса! повеса! — сказал Петр Иваныч, положив в рот кусок индейки.

— Он дорого заплатит за свое **мастерство!** — сказал Александр, вспыхнув (И. Гончаров. Обыкновенная история)

Почему же не могут быть названы *мастером* профессор, ученый, преподаватель, редактор? Думается, дело не в отсутствии творчества, а в том, что в семантике этих слов подчеркивается и выходит на первый план интеллектуально-логическая деятельность.

Точно так же и Филипп Филиппович, несмотря на все его нравственные метаморфозы, упоминание “московского студента”, занят прежде всего (по крайней мере, с точки зрения языка) интеллектуальным, рациональным — а уже после творческим трудом.

Профессор и ученый не могут быть названы также *профессионалом*, но по совершенно другой причине: в семантике этих слов уже присутствует в ы с - ш а я с т е п е н ь профессионализма; для преподавателя, репетитора, редактора оценка *профессионал* актуальна и желательна.

Почему нет лексемы *творец* (например, по отношению к Мастеру, Филиппу Филипповичу и т.д.)? Творец (с большой буквы) — только Бог, за высокомерие таких притязаний Булгаков осуждает и наказывает (Филиппа Филипповича, гораздо более сурово — Персикова). В то же время из всех оценочных лексем, обозначающих квалифицированный труд, умения *мастер* (в том числе в нравственном своем значении) ближе всего к *творцу*: “*Мастер* означает творец, создатель, демиург, художник, а не ремесленник. Булгаковский герой

— Мастер, и это сближает его с Творцом — создателем, художником-архитектором, автором целесообразного и гармоничного устройства мира”⁷.

Счёт, который Булгаков предъявляет новой власти за гонения на Творца в “Собачем сердце” и особенно в “Мастере и Маргарите”, только отчасти сводится к “непрофессионализму”, к тому, что “все занимаются не своим делом”⁸: главное, на оппозицию “*профессионал ~ непрофессионал*” накладывается важнейшая, нравственная оппозиция: Пророк (*Мастер*) ~ безнравственная власть (в ранних произведениях представителем власти выступает дилетант-профанатор, как Швондер в “Собачем сердце”, позднее — уже настоящий *профессионал*, как Берлиоз). Несомненно, тот факт, что Берлиоза воландовская команда наказывает наиболее жестоко, означает, что оппозицию *мастер ~ профессионал* Булгаков считал главной, давал нравственную оценку выбору в качестве жизненной позиции безнравственного *профессионализма*.

*

Представляет интерес история оппозиции “*мастер ~ профессионал*” в русском языке; как уже было сказано, в 20-30 годы, когда творил Булгаков, данная оппозиция как разновидность общей оппозиции [Р] ~ [-Р] еще не сложилась.

Сами же по себе лексемы *мастер* и *профессионал* к тому времени уже прочно вошли в русский язык: *мастер* заимствуется из греческого уже к X в.; *профессионал* — в XIX в. из французского⁹, однако и после заимствования слова *профессионал* в XIX в. оно не сразу встает со словом *мастер* в оппозицию [Р] ~ [-Р]. Так, *мастер* не был противопоставлен *профессионалу* в начале XX в., когда Николай Оцуп заявил основные принципы поэзии “Серебряного века”: сравнивая литературу Золотого века русской словесности (эпоха Пушкина, Достоевского, Толстого) с литературой рубежа XIX и XX веков, Н.А. Оцуп отмечает, что Золотой век отличали: а) грандиозность поставленных задач, б) высокое трагическое напряжение и пророческий характер поэзии и прозы, в) совершенство формы. Литературе Серебряного века свойственно: а) глубина сознательного анализа явлений, б) “*мастер побеждает пророка*” (можно предположить, что в этой фразе в настоящее время вместо *мастера* вполне мог бы быть назван *профессионал*), в) всё суше, бледнее, чище, ближе к автору, более — в человеческий рост¹⁰.

Булгаков же склонялся именно к великим традициям русской классической литературы, и у него писатель (*мастер*) как раз *Пророк*.

В советской идеологии, с которой была в корне несовместима идея, что *зарплата* должна быть *заработанной*, *профессионала* не жаловали — именно в силу того, что за этой лексемой стоят некие взаимовыгодные (а следовательно, “рыночные”, товаро-денежные) отношения с обществом; лексема *профессионал* часто использовалась как отрицательно-оценочная, своеобразный символ отношений в мире чистогана — как в официальных партийных

⁷ Крючков В.П. “Еретики” в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков. — Саратов, 2003, С.218.

⁸ Проффер Э. Художник и власть: По страницам романа “Мастер и Маргарита”// Иностранная литература. 1991. № 5.

⁹ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1994.

¹⁰ Оцуп Н. “Серебряный век” русской поэзии. // Оцуп Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах. Статьи и восп-я (2-е изд). — СПб., 1994, С.555.

СМИ (*Ни у кого здесь нет ни малейших сомнений в том, что действовал профессионал, в руки которого вложили оружие расистские власти Претории, Д. Септембер уже не раз получала письма с угрозами расправы*¹¹, так и во вполне неофициальных текстах, например, песне В. Высоцкого о канадских хоккеистах (*Профессионалам / зарплата навалом ... А наши ребята / за ту же зарплату / Уже пятикратно уходят вперед*).

В России позднесоветского периода оппозиция “мастер ~ профессионал” осмысливается уже несколько иначе: противопоставляя “общечеловеческие ценности” коммунистическому кликушеству, многие интеллигенты “реабилитировали” профессионала как своеобразный символ “свободного мира”, свободной самореализации личности, здоровых отношений в обществе.

В России позднесоветского периода стал всенародным любимцем романтический профессионал-контрразведчик, блестяще сыгранный Ж. Бельмондо в одноименном фильме.

Перестроечная идеология вообще сделала профессионала одной из ключевых идей “нового мышления”, наряду со свободным предпринимательством и хозрасчетом. Резко меняется отношение к профессионалам в спорте (прежде всего хоккеистам). В СМИ этого периода профессионал — одно из наиболее частотных слов, при этом используется практически исключительно как ярко-положительная оценка, как символ того, чего больше всего недостает СССР для достойного существования в соответствии с общечеловеческими ценностями.

Интересно, что в “перестроечную” эпоху именно профессионал нередко становился высшей стадией мастера, а не наоборот:

Долговязый с острым, каким-то профессиональным интересом смотрел, как швейцар выбивает через вертящуюся дверь последнего буяна, еще не вполне пришедшего в себя. “Жалко, этого не было,— шепотом сказал Тэдди, указывая глазами на долговязого.— Вот это мастер! Это тебе не ты. Профессионал, понял?” (А. и Б. Стругацкие. Хромая судьба).

Как видим, советская идеология, несмотря на партийные ярлыки, в целом правильно понимала смысл восходящей, как было показано, к русской культурной традиции оппозиции “мастер ~ профессионал” (профессионал зарабатывает много денег, выгодно продавая свои умения, и для него главное — деньги, а не моральная сторона его деятельности; мастер скорее дарит свои способности обществу, думая о пользе для других, а не для себя); в перестроечной идеологии, при смене оценки профессионала на противоположную, сохраняется та же идея рациональных взаимовыгодных отношений с обществом.

Несомненно, настоящая, подлинно народная слава такого великого романа, как “Мастер и Маргарита”, стоит вне времени, особенностей конкретных исторических периодов. Популярность же “Собачьего сердца” (осторожно выскажем предположение, что всё же немного несоразмерная с настоящим художественным значением этого во многом еще ученического произведения) в 1980-е годы, по нашему мнению, прямо связана с названной романтизацией профессионала — а наиболее очевидные черты в облике Филиппа Филипповича, как уже говорилось, подчеркнута принадлежат профессионалу. Как не

¹¹ В. Прокофьев. Выстрелы на улице Петит-Экюри // “Труд”, 1988.04.01

вспомнить мгновенно ставший культовым фильм этого времени, собравший целое созвездие лучших актеров советского кинематографа! Наше предположение о том, что оппозиция “*профессионал ~ непрофессионал*” в “Собачьем сердце” в восьмидесятые годы воспринималась более остро, чем в двадцатые, в фильме подтверждает диалог между *студентом* и *рабочим*, отсутствующий в оригинальном тексте Булгакова, — диалог очень ярко выраженных *профессионала* и *профана*:

Студент: Быть может, на долгие века запомнит человечество это наследие, доставшееся науке от эпохи военного коммунизма. Пусть из этих живущих отдельной жизнью желёз будут созданы особые рабочие станки, специальные фабрики по омоложению и исправлению живых людей!

(Аплодисменты, крики: “Молодец!” Студент сходит с трибуны, к нему подходит молодой человек пролетарской наружности):

Рабочий: Я вот тоже: Брокгауза и Евфрона читал. Два тома прочел. Читаешь, читаешь, слова легкие: Мечислав, Богуслав... И убей Бог не помню: какой кто? Книжку закроешь — всё вылетело!

(Студент пытается уйти, рабочий берет его за грудки):

Рабочий: Помню одно: Мандриан! Какой, думаю, Мандриан? Нет там никакого Мандриана! Там, с левой стороны, два Броневских. Один — господин Андриан, другой — Мариан. А у меня Мандриан!.. А у меня Мандриан...

Следует отметить, что в настоящее время чрезмерное тиражирование экспрессии *профессионала* в таком значении (особенно в рекламе постсоветского периода) в некоторых случаях приводит к тому, что экспрессия начинает восприниматься как стертая и надоевшая. В двухтысячные годы романтическая аура вокруг *профессионала* несколько тускнеет, однако положительная оценка в целом сохраняется:

*Мы — команда **профессионалов**, специализирующихся на услугах для торжеств: свадеб, крещений, венчаний, корпоративных мероприятий, выпускных и др. Группа **профессионалов** в сфере свадебных услуг, созданная для того, чтобы вы сэкономили ваше время и добились наилучших результатов;*

*Ремонт квартир и дизайн интерьера — услуги **профессионалов**. В целях поддержания высокого уровня предоставляемых услуг, у нас работают только **профессионалы** с опытом работы от трёх лет;*

*Ремонт автомобилей, кузовной ремонт, покраска автомобиля. В нашей автомастерской работают только настоящие **профессионалы**, выполняющие ремонт кузова любой сложности...*

В заключение скажем несколько слов о лексеме *специалист* и ее месте в текстах Булгакова и в рассматриваемой нравственно-оценочной оппозиции.

В целом, хотя *специалист* в русском языке раннесоветского периода, безусловно, входит в оппозицию [P] ~ [-P], история и семантика данной лексемы, по сравнению с рассмотренными *мастером* и *профессионалом*, менее богата и интересна. Это отразилось в произведениях Булгакова. Так, в “Собачьем сердце” слово *специалисты* появляется лишь однажды, и отнюдь не в положительном значении — по отношению к жуликам, которые, даже будучи мертвецки пьяны, ловко украли вещи Филиппа Филипповича:

— Изумительнее всего, что ведь они же оба пьяные... Как же они ухитрились? — поражался Филипп Филиппович, глядя на место в стойке, где некогда помещалась память юбилея.

— **Специалисты**, — пояснил Федор, удаляясь спать с рублем в кармане.

В “Мастере и Маргарите” специалистом (по древним магическим рукописям) называет себя Воланд:

— А у вас какая специальность? — осведомился ласково Берлиоз.

— Я — **специалист** по черной магии.

“На тебе!” — стукнуло в голову у Михаила Александровича.

— И... и вас по этой специальности пригласили к нам? — заикнувшись, спросил он.

— Да, по этой пригласили, — подтвердил профессор и пояснил: — Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века. Так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире **специалист**.

— А-а! Вы историк? — с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

В русском языке советского времени не оформляется четкая оппозиция “специалист ~ профессионал”, хотя обе лексемы, по сравнению с мастером (или творцом), отчетливо представляют собой правый член оппозиции [Р] ~ [-Р]. В целом специалист — точно такой же профессионал, как в примерах, рассмотренных выше, только вставший на службу социалистическому государству (и всем институтам советской чиновничье-бюрократической системы), и в этом отношении образует с “просто” профессионалом не очень четко формализуемую, но всё же существующую оппозицию: профессионал — тот, кто служит не н а ш е м у государству, строю, типу отношений — “буржуазному”, товарно-денежному. Не случайно в приведенном примере из “Мастера и Маргариты”, когда Воланд отрекомендовался специалистом, приехавшим в СССР, это воспринимается допрашивающими его Берлиозом и Бездомным как нечто нормальное, “правильное”, успокаивает их, а у Берлиоза вызывает большое уважение.

Показательны типичные сокращения: от специалиста — вполне советски спец, от профессионала — на западный лад профи. Следует отметить, что профессионал сам по себе актуализирует не очень большую степень индивидуальности (профессионал — “всего лишь” один из многих, тогда как мастер — гений, единственный *sui generis* и неповторимый); однако “как профи” ассоциируется с (не нашим) индивидуализмом.

Индивидуальность сильна в семантике мастера, который с трудом способен встать в строй, поэтому в СССР мастер (несмотря на нравственный компонент значения, который обычно так охотно эксплуатировала советская идеология: см. чрезвычайно частотные в советских идеологических текстах *родной, любимый, отец, верный, преданный*¹²), оказался даже менее востребован, чем специалист.

В целом мастер отчасти изменил семантику, которая стала очень узкой, и в таком виде вошел в широкий советский обиход: мастер как один из руководителей производства (но не из высших), например, на заводе; мастер по ре-

¹² Романенко А.П. Советская словесная культура: образ риторика.— Саратов, 2000.

монту (*Мастера вызывали?*; ср. карикатуру в советском юмористическом журнале «Крокодил»: в квартиру приходит грязный, небритый, плохо одетый мужчина и представляется: — *Мастер!* — на что хозяйка в восторге отвечает: — *Маргарита!*). Впрочем, и запрета на лексему *мастер* не было, в отличие от профессионала.

Можно сказать, что *специалист* во многом пришел на смену *мастеру* вместе с первыми пятилетками: из-за изначально неличностной, “казенной” семантики [-Р] он не мог заменить *мастера* полностью, но занял своеобразную нишу, образовавшуюся после многих ограничений, наложенных в новое время на сферу использования *мастера*. (Весьма показательно, что тотальное падение качества, предельная неэффективность советской экономики совпали со всеми этими ограничениями.)

В каком-то смысле *мастер* уходит из жизни в мифологию, например в популярные в литературе и фильмах позднесоветских лет образы староевропейских *мастеров* (например, в романах братьев Вайнеров), *мастер* всё прочнее ассоциируется скорее с кем-то вроде легендарного Левши, чем с жизнью (подобно *воле* — другому ключевому русскому культурному концепту, который тоже уходит в маргинальные употребления типа *Век воли не видать* в советское время¹³).

Эта (не очень большая) романтизация не запрещенного *мастера* несколько предшествует большой романтизации фактически запрещенного *профессионала*.

*

Итак, в настоящей статье были представлены некоторые размышления о состоянии русского общественного сознания и содержательных тенденциях в русском языке двадцатого века. Как видим, Михаил Булгаков помещает своего *Мастера* в исключительно трудный исторический контекст: вводит его в общество, совершенно не подходящее для этого со стороны своей официальной структуры, но полностью готовое к этому — со стороны неофициальной, истинно народной! Показательно, что позднейшие процессы в русском языке, о которых здесь шла речь, в частности, судьба лексем *мастер* и *профессионал* в позднесоветскую и постсоветскую эпоху (включая позднейшие прочтения текстов Булгакова), были во многом предвосхищены великим художником.

¹³ Катаева Н.М. Русский концепт воля: от словаря — к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2004.